

В. Н. Черковец

**Размышления о прошлом
и настоящем. Очерки
политической экономики**

В. Н. Черковец
Размышления о прошлом
и настоящем. Очерки
политической экономики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19061685

*В.Н. Черковец. Размышления о прошлом и настоящем. Очерки политической экономики: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова; Москва; 2014
ISBN 978-5-9988-0287-4*

Аннотация

Доклады и выступления доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР В. Н. Черковца на заседаниях проблемной группы «Воспроизводство и национальный экономический рост» кафедры политической экономики экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в период с декабря 2005 г. по март 2014 г.

Содержание

От автора	5
I. Значение методологии анализа воспроизводства во II томе «Капитала» К. Маркса для разработки модели российской экономической системы в сопоставлении с микро – и макроэкономическими теориями[1]	12
II. Естественная наука рекомендует общей экономической теории диалектический метод[5]	22
III. О первом национальном проекте России[7]	27
IV. Время – не критерий актуальности науки	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

В. Н. Черковец

**Размышления о прошлом
и настоящем. Очерки
политической экономики**

© Черковец, 2014

© Экономический факультет МГУ им. М. В.
Ломоносова, 2014

От автора

В этой книге собраны мои доклады и выступления на методологических и научных семинарах, круглых столах, проводившихся в 2006–2013 гг. проблемной группой «Воспроизводство и национальный экономический рост» (далее – Проблемная группа) на кафедре политической экономии экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (МГУ). Проблемная группа (научное творческое образование на добровольных началах) существует с декабря 1965 г. Ею был издан ряд монографий, некоторые – совместно с отделом общих проблем политической экономии социализма и участием ряда сотрудников других отделов Института экономики АН СССР, где я с 1972 по 1981 г. работал заместителем директора института по научной части и заведовал указанным отделом, руководил сектором системы законов и категорий политической экономии социализма. В декабре 1980 г. я был вторично избран Учёным советом МГУ профессором кафедры политической экономии (первый раз – в 1967 г.) и деканом экономического факультета, получив лабораторию экономики развитого социализма (впоследствии – лаборатория проблем собственности).

После распада СССР кафедра стала вести учебный процесс в основном по переходной экономике и по американскому учебнику «Экономикс». Политическая же экономия

исчезла из учебных планов. В сложившейся ситуации Проблемная группа, учитывая прежнюю углублённую подготовку политэкономов на базе «Капитала» К. Маркса, избрала в качестве цели своих исследований первоначально системный анализ сопоставления методологии и теории двух направлений (ветвей) политической экономии – марксистской и маржиналистской (неоклассический синтез «Экономикс» в составе микро- и макроэкономики). К настоящему времени подготовлено шесть монографий «„Капитал“ и экономикс» (выпуски 1998, 2003, 2006, 2011–2013 гг.), что составляет, пожалуй, главное достижение Проблемной группы периода 1998–2014 гг. Параллельно с 2008 г. мы перешли на разработку исследовательского проекта «Национальное богатство и национальный продукт» в соответствии с новым наименованием Проблемной группы – «Воспроизводство и экономический рост», а затем – «Воспроизводство и национальный экономический рост», акцентируя внимание на изучении проблем воспроизводства и экономического роста в России с учётом её конкретно-исторических особенностей и актуальной специфики переживаемого момента. В 2010 и 2012 г. были изданы первые работы – две книги «Национальное богатство и национальный продукт» с критическим разбором международной Системы национальных счетов последней модели – СНС-2008. Эти книги также можно присоединить к основным достижениям Проблемной группы последних лет.

Одна из стратегических линий в работе Проблемной группы – постоянная связь исследовательских разработок по двум кафедральным темам: 1.1. «*Методологические принципы и системный анализ в современной экономической теории*» и 1.2. «*Методологические, теоретические и практические проблемы формирования и развития российской экономической модели*» с историей экономической мысли, особенно той, которая вплетена в генеалогическую линию развития современных изысканий. Такова давняя традиция кафедры, и нет оснований от неё отказываться. Можно сказать, что для любой науки её собственная история значит не меньше, чем для любого народа его исторический путь, его этапы, его выдающиеся представители. Правильно поступил ВАК, интерпретировав историю экономической мысли как одну из областей исследования в рамках экономической теории. Руководствуясь этой философией, мы стремимся посвящать наши круглые столы, методологические и научные семинары крупным историческим социально-экономическим событиям, возникшим не без влияния столь же крупных идей их творцов, а среди них – самым заметным представителям экономической мысли, чьи концепции не утратили своего значения и в наши дни. Такие мыслители-теоретики отмечаются нами не к юбилейным датам, а в силу актуальности их открытий, трудов, доктрин для познания нашей действительности, для нахождения адекватных решений новейших проблем, избежания неверных проектов и даже прогнозирования.

ния неких контуров будущего. Уместно вспомнить ставшие афоризмом слова К. Маркса: «Великие мыслители не делают абсурдных выводов», сказанные им в адрес А. Смита (с «догмой» которого Маркс полемизировал). Далеко не все наши заседания посвящаются «юбилеям», как кто-то пытается принизить значение Проблемной группы, и далеко не всяким. У нас работает свой строгий принцип избирательности, в поле нашего внимания оказываются только те, чьи взгляды прямо работают на сегодняшний день и особенно актуальны с точки зрения выбора дальнейшего пути для России. Не сама по себе круглая дата выхода в свет знаменитого сочинения Дж. Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» и не годовщина его кончины инициировали в 2011 г. научный семинар *«Кейнсианская доктрина и российский выбор»*. Не 100-летие книги Й. Шумпетера «Теория экономического развития» и 70-летие монографии «Капитализм, социализм и демократия» явились причиной проведения в 2012 г. круглого стола *«Динамика, ступени и факторы экономического развития (наследие Й. Шумпетера и стратегические проблемы России)»*. Выступавшими было подчеркнуто, что для обеспечения территориальной целостности страны, сбалансированного развития регионов, вовлечения в производство труднодоступных природных ресурсов необходимо восстановить составление *генеральной схемы размещения производительных сил* как основы разработки прогнозов социально-экономического развития и соот-

ветствующей экономической политики страны. Не любознательный интерес вызвал организацию и проведение в том же году методологического семинара *«Межотраслевой баланс на основе метода «затраты—выпуск» В. Леонтьева и трудовая теория стоимости в связи с обсуждением стратегических проблем модернизации отраслевой структуры общенационального воспроизводства России»*. Участники семинара подвергли критике западные и российские учебники по макроэкономике за почти полное забвение проблемы межотраслевого баланса и отметили особую актуальность его изучения, разработки и применения в связи со стратегическим планированием развития России. Вместе с тем более чем наивно прозвучала претензия к Проблемной группе за неразработку такого масштабного проекта своими силами.

С 2006 г. Проблемная группа систематически проводит методологические и научные семинары, круглые столы как в рамках кафедральных, так и факультетских конференций и различных научных заседаний с участием представителей других кафедр экономического факультета, других вузов и институтов РАН и регулярно публикует научные обзоры с изложением докладов и выступлений участников дискуссий в журналах «Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика», «Философия хозяйства». В данной книге сделана попытка собрать эти наработки, в которых представлены новые размышления о том, каков в России общественно-экономический строй, новые постановки вопросов об ак-

туальности многих ранее высказанных идей в классической, в том числе марксистской, политической экономии, о путях выхода России из трансформационного кризиса, из сырьевой скорлупы российской экономики, о национальных проектах и стратегическом азимуте, о неоиндустриализации и барьере для вывоза капитала в офшорные зоны, о роли социальной сферы в создании национального продукта, о социальной модернизации и о борьбе с социальным неравенством и др. Все выбранные работы я называю фрагментами, поскольку они даются в сокращённом виде и не связаны друг с другом жёсткой формальной логикой, а, скорее, размещены в хронологическом порядке, хотя не всегда и он выдерживается, уступая смысловым соображениям автора. Как правило, все фрагменты несут в себе полемический элемент, включая обсуждение актуальных решений экономической и социальной политики стратегического и тактического характера. В виде исключения в книгу вошло несколько статей, опубликованных после 2006 г. в научных журналах, дополняющих поле моих научных интересов и не отраженных в обзорах научных дискуссий в рамках Проблемной группы. Мне кажется, что эти статьи касаются вопросов, не утративших своей актуальности как в научно-образовательной сфере, так и на полигоне, где ведётся пока неэффективная стрельба по мишеням с указателями разных направлений дальнейшего движения России. Читатель, наверное, обратит внимание на ключевой тезис, который встречается в

большинстве разделов книги, — о социальном государстве и социально ориентированной экономике. В концепции книги ему придается принципиальное значение при обсуждении вопроса о дальнейшем пути развития России.

Предложенная читателю книга относится, вероятно, к последним трудам одного из «последних из могикан» — приверженцев марксистской методологии политэкономического анализа современных процессов в области реальных общественно-экономических, производственных отношений и их отражения в научной, учебной и публицистической литературе.

Я благодарю новое руководство экономического факультета МГУ за оказанное внимание в связи с моим 90-летием и содействие в выпуске этой книги. Посвящаю её 210-летию кафедры политической экономии МГУ, 70-летию окончания Великой Отечественной войны, участником которой мне довелось быть, и памяти моих бывших коллег, пришедших с войны и внесших свой вклад в становление и развитие экономического факультета.

В. Н. Черковец

**I. Значение методологии анализа
воспроизводства во II томе
«Капитала» К. Маркса для
разработки модели российской
экономической системы в
сопоставлении с микро – и
макроэкономическими теориями¹
(вступительное слово и
заключение за круглым столом «К
120-летию выхода второго тома
«Капитала» К. Маркса (1885 г.)»)**

В 2005 г. сошлось несколько юбилейных дат, связанных с темой настоящего заседания. 240 лет тому назад (1766 г.) был опубликован второй, известный современному читателю вариант знаменитой «Экономической таблицы» Ф. Кенэ, ставшей одним из источников разработанной во II томе «Капитала» К. Маркса теории воспроизводства в общественном

---

¹ Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2006. № 3.

масштабе. Исполнилось 185 лет со дня рождения и 110 лет со дня кончины Ф. Энгельса, подготовившего к печати и издавшего II том «Капитала» спустя два года после смерти его автора. 135 лет прошло со дня рождения В. И. Ленина, написавшего ряд работ по проблематике третьего отдела II тома «Капитала», в частности реферат об опережающем росте производства средств производства (I подразделения материального производства) в условиях повышения органического строения капитала при замене ручного труда машинным, и фундаментальный труд «Развитие капитализма в России».

Нельзя не отметить, что в отличие от I и III томов «Капитала» К. Маркса, сразу же после их выхода в свет подвергнувшихся ожесточенной критике, II том выпал из поля зрения оппонентов: Е. Бем-Баверк его не заметил, Й. Шумпетер, отождествляя позиции К. Маркса и Д. Рикардо, суть марксовой теории видел лишь в историческом методе и в теории способов производства. М. Блауг, принципиально разделяя позицию Е. Бем-Баверка и Й. Шумпетера в их оценке теории К. Маркса, II том также практически не рассматривал. В последней его книге «Методология экономического анализа» даже упоминания о К. Марксе нет, а в фундаментальной работе «Экономическая мысль в ретроспективе» II том затронут лишь бегло и поверхностно. Здесь М. Блауг рассматривает только схемы воспроизводства, правильно их излагает и оценивает их влияние на Р. Харрода и Е. Домара,

но тут же и критикует эти схемы за принимаемые К. Марксом предпосылки, обнаруживая тем самым непонимание роли абстракций в анализе процесса воспроизводства. (Более того, М. Блауг критикует даже модель общего равновесия Л. Вальраса за применение абстракций.) Он также оставил без внимания проблему оборота капитала и не понял вообще значения деления капитала на постоянный и переменный как отличного от деления на основной и оборотный. М. Блауг не хочет признать практического значения предложенных К. Марксом схем: не дает оценки опыта балансового планирования в СССР, а также схем В. Леонтьева (input – output). И сегодня критики, в том числе и отечественные, подходят к оценке К. Маркса с тех же позиций. Поэтому нам следует разобраться в том, что есть методологически и теоретически ценного во II томе «Капитала» К. Маркса, в какой мере живут его идеи, не только продолжающие анализ сущности капиталистических отношений, раскрытой в I томе, но и те, которые близки к современной хозяйственной практике. И здесь есть много таких моментов, в которых полит экономический анализ сталкивается с неоклассическими подходами. В этой связи может возникнуть интерес, как освещаются те или иные проблемы в неоклассике и в классической марксистской литературе.

В статье «Карл Маркс», написанной в 1877 г. в связи с 10-летием выхода в свет I тома «Капитала», Ф. Энгельс назвал два самых важных открытия К. Маркса в области социаль-

ной философии и политической экономии – материалистическое понимание истории (которое иногда ошибочно называют «экономическим материализмом») и теорию прибавочной стоимости. «На этих двух основаниях, – писал он, – зиждется современный, научный социализм. Во втором томе „Капитала“ будут развиты дальше эти и другие, не менее важные открытия в области изучения капиталистической общественной системы, а вместе с тем будут подвергнуты коренному перевороту и те стороны политической экономии, которые не были ещё затронуты в первом томе».² В книге «„Капитал“ и экономикс» (выпуск 1), опубликованной нами в 1998 г., частично освещены продвижения в названных Энгельсом областях. Сегодня на нашем заседании этот анализ хотелось бы продолжить.

Поддерживаю положение о том, что и сегодня проблемы воспроизводства общественного капитала имеют не только методологическое и теоретическое значение (проблемы экономического цикла, инфляции и др.), но также статистический и практический интерес. Только воспроизводственный подход к анализу трансформирующейся российской экономики объясняет, почему отечественная экономика не может производительно переварить нефтедоллары, а российское общество не воспроизводит самоё себя. Вместе с тем небесполезно помнить, что анализ воспроизводства обще-

---

² Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1947. Т. 2. С. 156.

ственного капитала ведётся в «Капитале» на основе так называемой третьей фигуры кругооборота, а именно кругооборота товарного капитала, «осложнённого» с самого начала по сравнению с кругооборотами денежного и производительного капитала созданной ранее прибавочной стоимостью. В «Экономикс» применяется иная фигура кругооборота в общественном (макроэкономическом) масштабе, а именно кругооборот ресурсов, продуктов (валового национального продукта) и доходов. Следует также иметь в виду, что в III томе «Капитала» (глава 27) предложено понятие общественного капитала и в другом смысле: объединённый, совместный, ассоциированный капитал. В этом случае речь идёт о превращении капитала из индивидуально-частной в общую (совместную или долевою – на юридическом языке), коллективную, точнее, частно-коллективную собственность. Она сохраняет, по К. Марксу, свой капиталистический характер, поскольку зиждется на отношении капитала и наёмного труда, но в ней на основе концентрации и централизации капитала происходит постепенный эволюционный процесс «упразднения капитала как частной собственности». Такой капитал приобретает некоторые черты переходной промежуточной формы на историческом пути к непосредственно общественной форме существования средств производства. Одним из видов такой формы становится акционерный капитал как совместная собственность акционерного общества.

Конечно, эти идеи II и III томов «Капитала» являются научным потенциалом для современной политической экономии, которая могла бы продвинуть их с учётом реальных изменений в развитии капиталистической системы.

В связи с высказанным на заседании пожеланием о том, что в анализе роли органического строения капитала и его изменений следует в конечном счёте переходить на более конкретный уровень – к ценовому строению капитала, в котором участвует более широкий спектр факторов, и в этом случае влияние органического строения капитала на всю систему экономических отношений оказывается лишь частным случаем, надо заметить следующее. К. Маркс, как известно, различает три вида строения капитала – техническое, стоимостное и органическое. Последнее является тем синтетическим случаем стоимостного строения, который точно соответствует техническому строению, строго воспроизводит его динамику, и потому на определённой ступени абстрактно-теоретического анализа они отождествляются. Цена же в этом анализе (согласно его предпосылкам) совпадает со стоимостью, поэтому ценовое строение как особая конкретно-эмпирическая форма не учитывается.

Несомненна актуальность изучения дискуссии и её результатов по проблемам воспроизводства в старой отечественной литературе 1890-х гг. для разработки принципов экономической политики нашего государства, направленной на построение эффективной экономики в современных

условиях. В связи с этим полезно вспомнить о таком интересном факте из литературы тех лет, когда В. И. Ленин выступил в печати в защиту будущего противника марксизма С. Н. Булгакова от критики М. И. Тугана-Барановского как раз по вопросу интерпретации схем воспроизводства во II томе «Капитала».

Также хочу обратить внимание на последний (запоздалый) залп критиков теории «самого Маркса» и всего марксизма, прозвучавший недавно на экономическом факультете МГУ со страниц хрестоматийного пятитомного издания «Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков».³ Речь идёт о теоретическом «кризисе», из которого, как полагают авторы (профессора Г. Г. Фетисов, А. Г. Худокормов, Ю. Я. Ольсевич), так и не выбрался К. Маркс и в котором перманентно пребывает его учение, если даже не принимать во внимание его «сталинизированное» продолжение. Приговор, конечно, суровый, и, поскольку нет оговорок, он относится и к экономической части марксистской теории. Но каковы аргументы и факты? Они таковы, что кроме удивления ничего не вызывают. Что касается К. Маркса, то его кризис мотивируется двумя «примерами». Во-первых, Маркс дал-де ошибочное определение сущности человека, сославшись на «совокупность производственных отношений», что якобы опровергнуто всей историей и мировой художествен-

---

³ Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. М.: Мысль, 2005. Т. 1. С. 26.

ной литературой. Однако заметим, в «Тезисах о Фейербахе» (тезис 6) К. Маркс указывал не на производственные, а на совокупность общественных отношений, что далеко не одно и то же, о чём хорошо знают даже студенты экономического факультета «добакалавриатского» времени. Второй «пример» кризисной безысходности К. Маркса состоит, по мнению авторов, в том, что «муки родов буржуазного общества» он ошибочно принял за «симптомы его агонии», приводящей к гибели. К. Маркс, конечно же, отражал факты окружавшей его реальной действительности. Однако историческую обречённость капитализма он связывал в исходном пункте не с обнищанием трудящихся (хотя и сегодня проблема бедности и социального неравенства остаётся одной из центральных для капиталистического мира), а с растущим обобществлением производства и ростом производительности общественного труда, что является исторической миссией самого капитализма. На этом факте базируется научная прогнозная составляющая теории перехода общества к социализму. С этой теорией можно не соглашаться, но причём здесь апелляция к фактам раннего капитализма? Что касается «исторически повторяющихся» кризисов марксизма и «пяти признаков», свидетельствующих, по мнению авторов, о кризисе всей его теории, то на самом деле они оказываются показателями совсем иного характера. Можно ли вообще назвать признаками кризиса любой, не только марксистской теории, например, «отказ от устаревших положений» или её

«общее ускорение в эволюции и развитии»?!. Скорее наоборот: лучшей аттестации любой теории, способной преодолеть гносеологические барьеры, возникающие в связи с новыми, ранее не известными явлениями жизни, в том числе экономической, и постоянно совершенствующейся на базе своих парадигмальных оснований, наверно, и не придумаешь...

Кстати, во втором томе указанного сочинения автор главы «К. Маркс, Ф. Энгельс – основоположники политической экономии рабочего класса» (проф. В. С. Афанасьев) ставит принципиально иные акценты, характеризуя марксистскую теорию в определении ею тенденций исторического развития капитализма. «Хотя, – пишет он, – исторический процесс развивался не всегда в тех конкретных формах, которые представлялись К. Марксу и Ф. Энгельсу наиболее вероятными, разработанное ими экономическое учение и сегодня является важным инструментом познания сложной и противоречивой капиталистической экономики, особенно исторических тенденций её развития». Автор приводит слова Дж. Сороса: «К. Маркс и Ф. Энгельс 150 лет назад дали очень хороший анализ капиталистической системы, который, я должен сказать, в чём-то даже лучше, чем теория равновесия классической экономической науки».⁴ Думаю, что эти слова известного капиталиста-финансиста нашего времени весьма

---

⁴ Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. М.: Мысль, 2005. Т. 1. С. 442.

уместны для заключения к теме нашего обсуждения и поучительны для бывших марксистов и так называемых «нео-марксистов».

Декабрь 2005 г.

II. Естественная наука рекомендует общей экономической теории диалектический метод⁵ (выступление на обсуждении доклада английского физика Д. Хукса «Квантовая теория политической экономии»)

Проблемная группа обсудила в 2006 г. ряд вопросов и проектов восстановления курса политической экономии в высшей школе. Однако возрождение его преподавания в современных условиях с учётом того, что в мировой социально-экономической структуре, в частности в России, произошли существенные перемены, а в учебные стандарты, в том числе российского высшего образования, повсеместно внедрена неоклассическая дисциплина «Экономикс», не может быть осуществлено без серьёзного обращения к научной стороне дела и прежде всего к проработке вопросов методологии политэкономического исследования. И сегодня важны и актуальны, по крайней мере, следующие четыре компонента:

---

⁵ Философия хозяйства. 2007. № 5.

- о предмете возрождаемой политической экономии;
- о парадигмальных основаниях и структуре политической экономии как научной системы, о месте в ней проблематики воспроизводства;
- о методах – общих и частных, классических и современных, в том числе естественных наук;
- о соотношении политической экономии и экономикс.

В рамках этой тематики Проблемная группа ознакомилась и в сентябре 2006 г. обсудила доклад английского физика Д. Хукса «Квантовая теория политической экономии», прочитанный ранее в ЦЭМИ РАН и представленный в МГУ проф., д.э.н. В. С. Афанасьевым в виде тезисов «Квантовая теория политической экономии английского физика Дейва Хукса в свете единства естественно-научного и социального знания».

Д. Хукс не предложил никакого варианта «физической» политической экономии. В его докладе не предлагается и аналога известных и малоизвестных литературе по истории экономической мысли попыток создания альтернативных политической экономии «организационной науки» (по примеру «Тектологии» А. А. Богданова), «математической экономии» (Р. Аллен и др.) и даже близкой, казалось бы, к его профессии «физической экономии» (например, украинского мыслителя XIX в. С. А. Подолинского⁶). Д. Хукс не

---

⁶ О С. А. Подолинском и его современных последователях см. учебное пособие «Философия науки» для студентов высших учебных заведений (Киев. Альтер-

претендует ни на создание новой экономической теории а la еconomics взамен классической политической экономии, ни новой версии внутри самой политической экономии, как, например, «конструктивной политической экономии социализма» (СОФЭ – Н. П. Федоренко, С. С. Шаталин и др.). Смысл бренда «политическая экономия» в названии темы доклада означает другое: призыв Д. Хукса к политэкономам классического, в первую очередь марксистского, направления учитывать методологический опыт естественных наук, в данном случае физики, её раздела квантовой теории. Хотя призывы такого рода звучат уже давно, и их было немало, особенно по применению математических методов в анализе экономики, призыв Д. Хукса по-своему оригинален. Актуальность его состоит в том, что квантовая теория объективно через прокламируемый Д. Хуксом «метод двойственности» приходит к подтверждению познавательной силы именно *диалектического метода исследования*, поскольку объективная диалектика с её основным законом противоречий характеризует движение всего физического мира, а субъективная диалектика – как метод познания – руководствуется принципом «раздвоения единого». Квантовая теория является, таким образом, ещё одним свидетельством и аргументом в пользу всеобщности применения диалектического

пресс, 2002), в котором «физическая экономия», полагающая солнечную энергию единственным источником общественного богатства, характеризуется как зародившееся на Украине мировое достижение экономической мысли, признаваемое сейчас некоторыми учёными даже в Америке.

подхода в разных науках, изучающих законы природы и общества. Что касается последнего, то в его анализе диалектические принципы познания и логики реализуются в специфических формах социальной философии, а затем – в методологии отдельных общественных (гуманитарных) наук, в том числе в политической экономии как общей экономической теории.

Проблемная группа видит в докладе Д. Хукса повод ещё раз подчеркнуть значение диалектического метода в восстановлении официального статуса политической экономии как особой науки и учебной дисциплины в российской практике. Тем самым Проблемная группа ещё раз заявляет о недопустимости игнорирования диалектического метода, попыток возрождения политической экономии исключительно на методологических принципах неоклассики, имплицитно и эксплицитно, фактически и риторически отрицающей диалектику как научный метод, якобы не совместимый и противоречащий фундаментальным законам формальной логики. Генеральная линия такого отрицания связана с именами Е. Бём-Баверка, Й. Шумпетера, М. Блауга. Вокруг этой линии группируются все экономисты, в том числе отечественные, кто пользуется маржиналистской методологией анализа.

От имени квантовой теории Д. Хукс критикует теоретиков марксистской политической экономии за то, что они слабо и неактивно используют диалектические подходы в своих трудах и поэтому многое теряют в своих исследованиях. Ду-

мается, что это – справедливое суждение.

Сентябрь 2007 г.

III. О первом национальном проекте России⁷

(вступительное слово и

заключение на заседании,

посвященном обсуждению вопроса

«Обеспечение расширенного

воспроизводства в аграрном

секторе российской экономики

и социального развития села»)

Проблемная группа в конце октября 2006 г. приступила к рассмотрению воспроизводственных аспектов четырёх «национальных проектов России». На первом обсуждении совместно с Проблемной группой «Теоретические проблемы формирования национальной экономики» (руководитель – проф. В. М. Кульков) кафедры политической экономики и кафедрой аграрной экономики экономического факультета (зав. кафедрой – проф. С. В. Киселёв) обсуждались вопросы, связанные с развитием агропромышленного комплекса

---

⁷ Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2007. № 4.

страны.

Известно, что выдвинутые в сентябре 2005 г. главой государства четыре «приоритетных национальных проекта» призваны, по замыслу, обеспечить в течение 1–3 лет прорывы в сферах образования, здравоохранения, в обеспечении населения доступным жильём, а также в развитии аграрно-промышленного комплекса (АПК) страны. Их цель – «повысить качество жизни», а для этого нужны «инвестиции в человека» (т. е. в то, что стали называть не совсем корректно «человеческим капиталом»).

Поскольку в научных журналах и СМИ встречаются разные оценки четырёх (а теперь, можно сказать, и пяти, с учетом демографической проблемы) «национальных проектов» в довольно широком диапазоне – от резко отрицательных суждений до самого настоящего пиара, есть все основания различать, не смешивать две стороны дела. Актуальность этих проектов вряд ли вызывает сомнения. Это вытекает из оценки, характеристики сегодняшнего реального положения дел. Другой вопрос – насколько эффективны намечаемые меры, достаточны ли выделяемые ресурсы, способны ли намеченные мероприятия устранить причины, вызвавшие крайнее неблагополучие в указанных областях, и т. д.

Что касается положения дел в аграрном секторе страны, то даже лидеры «перестройки» и «постперестройки» признают громадный спад сельского хозяйства, тупик в фермерском развитии, архаизацию сельского быта. Но не толь-

ко поэтому Проблемная группа признала приоритет именно *аграрного* «национального проекта» (хотя в президентском перечне он стоит на четвёртом месте). По нашему мнению, аграрная тема объективно выдвигается в число фундаментальных, базисных по отношению ко всем другим, хотя между ними имеется взаимосвязь и взаимодействие. Аграрная экономика, аграрно-промышленный комплекс, да и село в принципе представляют в этой «четвёрке» *материальное производство*, причём его первичную стадию, непосредственно связывающую его и всё общество в целом с природой, землёй. Но именно здесь исходная основа и здоровья населения, и расцвета образования, и решения жилищного вопроса, и, наконец, роста народонаселения, качества и продолжительности жизни, расширения поля для занятости через освоение новых территорий, рекреационного развития сельской местности и т. п. Мы не должны забывать даже в эпоху наметившихся «постиндустриальных» тенденций великий завет В. Петти «Труд – отец богатства, земля – его мать»! Кроме того, история экономики России в значительной мере связана с развитием сельского хозяйства и судьбами занятого в нём крестьянского населения, широко применявшего коллективные формы обработки земли и знакомого с общинным образом жизни. Сегодня для России очень острой стала проблема продовольственной безопасности. И это – ключевой вопрос её экономической безопасности, которая в полном объёме на языке теории означала бы не что

инное, как устойчивое обеспечение собственного национального простого и расширенного воспроизводства, производственного и личного потребления.

Как известно, до 1991 г. народное хозяйство СССР, хотя и понижало темпы развития, всё же не утрачивало положительного среднегодового темпа роста ни по валовому национальному продукту, ни по валовому (совокупному) общественному продукту, ни по национальному доходу. Только 1990 г. дал спад производства по всем этим показателям, а также по сельскому хозяйству на 2,9 % по сравнению с 1989 г. С этим годом связано начало *трансформационного кризиса*, ударившего и по сельскому хозяйству. Если в последнюю пятилетку среднегодовой темп роста российского сельскохозяйственного производства составил 2,2 %, то в 1991–1995 гг. он упал до минус 7,7 %. Отрицательный темп роста характеризует его динамику и в следующем пятилетии: –1,3 %, что свидетельствует о дальнейшем углублении экономического кризиса. Только в 2001–2004 гг. темпы получили положительное значение: +3,4 % (в 2004 г. +3,1 %).⁸ Физический объем продукции российского сельского хозяйства до сих пор не достиг уровня 1990 г. (около 75 % в 2005 г.). Но главная потеря в вещественной части его производительных сил – разрушение основных фондов. В то время как коэффициент их выбытия оставался все эти годы (вплоть до 2004 г.) на уровне 3,3–3,1 %, коэффициент об-

---

⁸ Российский статистический ежегодник. 2005. С. 35.

новления упал с 7 % в 1990 г. до 0,8 % в 2004 г. Сельское хозяйство потеряло половину российского продовольственного рынка, уступив его импортным товарам. Говоря о причине спада промышленного производства, либерал-реформаторы указывают на не востребованность в новых условиях продукции военно-промышленного комплекса (ВПК) и ряда других производств, но в сельском хозяйстве нет ВПК и не было продукции, ненужной российскому потребителю. Главная причина такой катастрофы – в ломке прежних социально-производственных, экономических отношений в стране, в том числе в АПК, и особенно на селе. Приватизация государственной и кооперативной собственности в сельском хозяйстве привела к раздроблению и ликвидации многих крупных предприятий – совхозов и колхозов, агропромышленных объединений, мощнейших животноводческих комплексов, а вместе с ними рухнула и сельская «социалка». Стала складываться мелкая частнохозяйственная агроструктура «личных подворий», «крестьянских хозяйств».

В заключение можно предложить следующие тезисы.

1. Хотя удельный вес сельского хозяйства в российском ВВП за последние 17 лет сократился в три раза и составляет всего 5,5 % (что со всей очевидностью не является естественным результатом ни индустриализации, ни «постиндустриализации» экономики, поскольку они не осуществлялись), роль сельского хозяйства в воспроизводственном процессе страны неизмеримо выше как с экономической,

так и социальной точек зрения. Проектируемая на экономическом факультете МГУ (кафедра политической экономии) модель российской экономической системы должна непременно включать *аграрный компонент*, разработанный, по возможности, с участием кафедры аграрной экономики.

2. Исходя из профиля и реальных возможностей кафедры политической экономии «ядро» аграрного компонента её модели российской экономики могла бы составить прогнозируемая *структура аграрных производственных, экономических отношений*, включая формы собственности на средства производства и продукцию, распределительные отношения, формы хозяйствования, роль государства в регулировании и поддержке сельскохозяйственного производства и т. д. К сожалению, анализ этой стороны «национального проекта» не получил достаточно развёрнутого выражения в состоявшемся обсуждении, хотя именно в ней находится ключ к формированию новой экономической системы. Одно из центральных мест могла бы составить теория земельной ренты и в целом ренты на природные ресурсы, учитывая богатейший опыт её разработки в мировой и отечественной, в том числе советской, экономической науке. В этой связи необходимо выработать определённую позицию, сопровождаемую серьёзной аргументацией, в отношении собственности на землю и природные ресурсы. Сильной составляющей в национальной традиции России было, как известно, непризнание частной собственности на землю («земля ничья, божья»), ко-

торая допущена Конституцией РФ 1993 г. Известно также, что теоретически доказаны (да и в практике ряда стран это осуществляется) возможность и полезность национализации земли в условиях рыночно-капиталистического хозяйства, приводящей к уничтожению абсолютной ренты и передаче государству дифференциальной ренты. В мире имеется богатый опыт использования также нефтяной ренты в общенациональных интересах.

3. Особо стоит вопрос об использовании *кооперации сельхозпроизводителей*. Только идеологией «делай всё наоборот» можно объяснить разрушение, по сути, в ходе российских реформ в 1990-х гг. кооперативной формы хозяйствования, давно известной и сегодня широко используемой в мировой практике. Кооперирование крестьян не противоречит условиям рыночной экономики. Сегодня в России объективная необходимость возрождает постановку вопроса о торговой кооперации для организации сбыта продукции мелких крестьянских хозяйств на городских рынках. Как и в начале 1920-х гг. в России речь может идти о различных формах кооперации – от простейших до производственного типа.

4. В прогнозируемой кафедрой политической экономии модели российской экономики можно не исключить и некоторую (по возможности) разработку с участием кафедры аграрной экономики организации системы так называемого *агробизнеса*, используя опыт развитых стран, где создана си-

стема не только обеспечения гарантированного сбыта продукции сельхозпроизводителей по заранее оговоренным ценам, но и организация снабжения их техникой и удобрениями, предоставления ежегодных агрономических и экономических рекомендаций по производству и т. д. Такой опыт нужно всемерно пропагандировать, а его использование (программу) включить в государственный аграрный «национальный проект».

5. Задача *отражения аграрной проблематики* вообще, и особенно российской, стоит не только перед научно-исследовательскими проектами, но и перед учебниками по экономической теории, политической экономии. Следует отметить, что если в «Экономикс» С. Фишера и др. аграрная тема вообще отсутствует, то в «Экономикс» К. Макконнелла и С. Брю она рассматривается в двух местах (11-е издание): 1) «Что такое земельная рента?» в гл. 31 «Ценообразование и использование ресурсов: рента, ссудный процент, прибыль» и 2) в гл. 35 «Сельское хозяйство: фермерская проблема». В последней даётся разбор конкретной ситуации в сельскохозяйственном секторе США с углублением в историю вопроса, анализируется «фермерская проблема», а также государственная политика в отношении сельского хозяйства с явным присутствием национального фактора.

К сожалению, в российских учебниках по экономической теории, микро – и макроэкономике подобный анализ отсутствует, как нет его в учебниках ни по переходной экономике,

ни по национальной экономике. Думается, что во вновь разрабатываемых кафедральных курсах эта «традиция», отражающая общую ситуацию в России последних 17 лет, должна быть преодолена.

Апрель 2007 г.

IV. Время – не критерий актуальности науки

(доклад и заключительное слово на обсуждении темы «А. Смит в XXI в. – уроки для современной политической экономики и новой модели российской экономики»)

В конце 2006 г. исполнилось 230 лет выхода в свет шедевра мировой экономической науки – книги А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.). Проблемная группа с участием представителей других проблемных групп, кафедры истории народного хозяйства и экономических учений, а также сотрудников ряда московских вузов посвятила этому событию специальное заседание, вниманию участников которого были предложены следующие вопросы:

1. А. Смит как предшественник марксистской и неоклассической ветви экономической теории (вопросы истории и логики развития мировой экономической науки).

2. Методология и теория А. Смита в свете проблем системной композиции современной экономической теории и создания курса «Теория

общественного богатства».

3. «Богатство народов» как источник теоретической разработки национальной модели российской экономики с растущей производительностью труда и развивающимся материальным производством.⁹

В конце 2006 г. фактически состоялся не один, а два смитовских юбилея: второй, не менее ценный для нас, прямо связанный с судьбой отечественной науки и со становлением российского экономического образования, напоминает о 200-летию завершения первого русского издания «Богатства народов», вышедшего в 1804–1806 гг. Нельзя не вспомнить и проведение в 1975 г. в МГУ Всесоюзной научной конференции, посвящённой 200-летию работы А. Смита. Возникает естественный вопрос, чем вызвано такое внимание к этому сочинению в условиях плановой экономики СССР, где не действовал стихийно-автоматический механизм свободной конкуренции, ценообразования, спроса и предложения – смитовский механизм «невидимой руки»? Почему, напротив, сегодня в России, да и в других странах, где господствует либерально-рыночная экономика, у начала идеологии которой стоял А. Смит, не придают особого значения и даже внимания очередному юбилею его главного труда? Не придают, хотя современная неоклассическая мысль считает его чуть ли не своим историческим и методологическим пред-

---

⁹ Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2008. № 1.

шественником, а у российского отряда её приверженцев появился, казалось бы, повод для новой волны опровержения теории политической экономии социализма?

По моему мнению, на этот вопрос, как это и не удивительно, можно найти ответ уже у Дж. Милля – последнего из немарксистских представителей классической политической экономии (ещё до появления неоклассики как маржиналистской версии общей экономической теории). У Дж. Милля встречаются противоречивые высказывания в адрес наследия А. Смита. В предисловии к своим «Основаниям политической экономии» (первое издание – 1848 г., последнее прижизненное – 1871 г.) он пишет: «Книга „Богатство народов“ во многом устарела и в целом неудовлетворительна». Но чуть выше читаем иное: «Самая характерная особенность работы Адама Смита, особенность, больше всего выделяющая её из других равных ей или даже превосходящих её по уровню изложения общих принципов предмета, состоит в том, что она неизменно связывает теоретические положения с их практическим применением». А такое применение требует, по Дж. Миллю, обращения и к другим наукам «социальной философии», к которой он относит политическую экономию, использования их в её рамках. Никто, считает Дж. Милль, не поднялся до такого уровня связи «чистой» теории с её практическим применением с использованием результатов других наук, вошедших в саму политическую экономию. После А. Смита в ней появились новые

«теоретические представления», возникли и новые «современные социальные идеи», их по примеру А. Смита надо соединить.¹⁰

Такая же задача, думаю, стоит сегодня и перед экономикс (неоклассикой, неоклассическим синтезом и их разветвлениями), да и вообще перед современной общей экономической теорией, политической экономией. Во всяком случае критика, которая раздаётся не только в нашей литературе, но и на Западе в адрес экономикс, указывает на её отрыв от реалий национальных экономик, переходных экономик развивающихся стран, на чрезмерную математическую формализацию в ущерб содержательному раскрытию экономических явлений, абстрактность представленной общей теории. Даже звучащая в наши дни на Западе идея «ренессанса» политической экономии связывается с этой слабостью экономикс – с отрывом от экономической политики даже в США, её родовом гнезде. Неоклассика изначально против экономической политики государства и социальной составляющей не только как предмета экономической теории, но и против её обращения к этим общественным структурам, поскольку, как и А. Смит, неоклассика стоит на идеологических позициях невмешательства государства в экономическую жизнь, но в отличие от А. Смита закрывает себе путь к разработке практических приложений «чистой», абстрактной теории, на что

---

¹⁰ Милль Дж. Основания политической экономии. М.: Прогресс, 1980. С. 75–76.

указывал Дж. Милль.

Однако отличие неоклассики от концепции А. Смита состоит далеко не только в её риторическом стремлении обеспечить «чистоту» общей экономической теории, отделить её от практических приложений, в чём, напротив, видит достоинство смитовской точки зрения Дж. Милль: немалое различие пролегает между ними на «чистом поле» самой этой теории. Оно состоит в том, что А. Смит, во-первых, отрицает полезностный подход в понимании основы цены и развивает (хотя и непоследовательно) идею трудовой теории стоимости; во-вторых, разработал учение о производительном и непроизводительном труде, связав производительный труд с материальным производством; в-третьих, дал трактовку «природы и причин» богатства народов, указав на трудовые ресурсы общества и производительность труда; в-четвёртых, объяснил происхождение прибыли как вычет из труда рабочего, т. е. приблизился к теории прибавочной стоимости. По всем этим пунктам А. Смит, по выражению одного классика, как «великий идеолог передовой буржуазии» является непосредственным предшественником, а его идеи – источником марксистской политической экономии, развившей дальше А. Смита и Д. Рикардо трудовую теорию стоимости и создавшей теорию прибавочной стоимости. Понятно, что по всем этим пунктам А. Смит – теоретический оппонент неоклассики, неоклассического синтеза, экономикс. Но вместе с тем он и предшественник, и теоретический со-

юзник последних и, прежде всего, с точки зрения ряда философско-методологических принципов. Главным открытием, достижением А. Смита, наследуемым неоклассическим направлением во всех его современных проявлениях и модификациях, так называемым «мейнстримом» современной экономической теории, является, как утверждает известный историк экономической мысли и методолог М. Блауг, «автоматический равновесный механизм конкурентного рынка». Но не только это. В основе методологии всей экономической системы А. Смита лежит идея вечности и неизменности экономических законов, проистекающих из самой природы человека – эгоиста, естественно преследующего личный интерес и сознательно стремящегося к личной выгоде. Этот «экономический человек» – образ частного товаропроизводителя. Отталкиваясь от природы индивида, склонного к «обмену», А. Смит восходит к обществу – «меновому обществу». В своей экономической системе («Богатство народов») он начинает исследование с разделения труда, а потом переходит к реальному обмену, но склонность к обмену предшествует разделению труда как некая философско-методологическая предпосылка, а разделение труда выступает лишь как средство для осуществления этой склонности. Именно такая парадигма стала впоследствии исходным пунктом постулирования главного принципа неоклассического маржинализма – принципа «методологического индивидуализма» с его признанием «рациональности» принимаемых ин-

дивидом решений и их «максимизации» в его поведении, хозяйственной деятельности. К сожалению, эта линия генетической связи неоклассики с А. Смитом не замечена ни в западной, ни в отечественной литературе.

Таким образом, по отношению к последовавшим основным направлениям развития общей экономической теории наследие А. Смита «раздваивается», определяя их отправные точки. И причина – в «раздвоении» самого А. Смита, поскольку он пользуется одновременно эзотерическим (анализ сущности явлений) и экзотерическим (анализ феноменологических связей) методами.

Второй вопрос нашей «повестки дня» – систематика современной экономической теории и теория национального богатства: место в ней политической экономии, соотношение политической экономии и теории национального (общественного) богатства. Создание таких учебных курсов требует разработки самой теории, выяснения её соотношения теории национального (общественного) богатства и политической экономии. Позиция А. Смита по этому вопросу выражена в самом названии его труда. Дж. Милль определял предмет политической экономии так: «Преподавание или исследование сущности богатства, законов его производства и распределения».¹¹ В понимании богатства Дж. Милль, как и А. Смит, стоял на точке зрения трудовой теории стоимости: «Все полезные (или приятные) вещи, которые облада-

---

¹¹ Милль Дж. Основания политической экономии. М.: Прогресс, 1980. С. 81.

ют меновой стоимостью, за исключением тех, которые можно приобрести без затрат труда». ¹² От классиков идёт традиция не включать неиспользуемые природные ресурсы («естественное богатство») в общественное богатство и трактовать его исключительно как результат производственной деятельности людей. Иногда общественное богатство отождествляют с национальным богатством. В «Курсе политической экономии» под ред. Н. А. Цаголова общественное богатство и естественные ресурсы подведены под общее понятие национального богатства. Дж. Милль категорически исключал из национального богатства «государственные ценные бумаги», указывая на содержащийся в них «распределительный элемент». К. Маркс относил все виды ценных бумаг, включая акции, к «фиктивному капиталу». Однако в современной западной статистике акции составляют крупную долю национального богатства стран, а повышение курса акций независимо от вызвавших его факторов расценивается как рост «капитализации» компаний, т. е. как рост их богатства. Российская же статистика исчисляет величину национального богатства только в составе основных фондов, включая незавершённое строительство, материальные оборотные средства и накопленное домашнее имущество (справочно). ¹³ Остаётся открытым вопрос о соотношении материального и нематериального богатства, интеллектуальной собственно-

---

¹² Там же. С. 91.

¹³ Российский статистический ежегодник. 2005. С. 336.

сти, о возможности их интеграции в общем понятии национального богатства и т. д.

Как уже сказано выше, мейнстримовский экономикс демонстрирует отказ от А. Смита по ключевым вопросам политической экономии, ориентирует экономику на торговлю, финансово-кредитную деятельность, ростовщичество и спекуляцию, но не на развитие материального производства, не на рост производительности труда. «Экономикс» полагает, что всё сделает автоматический механизм рынка. А. Смит, исследовавший общие законы рыночно-капиталистического хозяйства, восхищался эффективностью его конкурентной системы, но тем не менее видел источники роста богатства народов не в этом механизме, а в трудовом потенциале населения, занятого в материальном производстве, в росте производительности его труда. Механизм – лишь средство, способное привести в движение трудовые ресурсы. Для российской экономики смитовская идеология в этой части крайне необходима. Принципиально важно переломить ультралиберальное мышление реформаторов, стоящих у руля экономической и социальной политики, обратить их внимание на действительные, а не мнимые источники экономического роста. Только ущербностью доминирующей идеологии можно объяснить, например, тот факт, что в российских статистических изданиях совершенно отсутствует информация о динамике производительности труда как в народнохозяйственном масштабе, так и на отраслевом уровне, в межот-

раслевых и международных сопоставлениях. Хотя в американских университетах, где, как известно, правит бал неоклассическая доктрина в тех или иных вариациях, статистические публикации содержат богатую информацию о производительности труда. Ведь именно на этом факторе основывается вся история экономического развития США. Уроки А. Смита весьма поучительны не только для XVIII в., но и для XXI в., не только для раннеиндустриальной, но и для постиндустриальной экономики.

В заключение можно отметить, что главный пункт, вокруг которого идёт «борьба за Смита» между марксистами и неоклассиками, – трудовая теория стоимости. Чтобы оторвать А. Смита от марксистов и теснее связать его наследие с неоклассиками, уже упоминавшийся известный историк и методолог М. Блауг в своей книге «Экономическая мысль в ретроспективе» стремится доказать, что у А. Смита фактически нет трудовой теории стоимости, что он и не пытался ее «сформулировать». М. Блауг приводит четыре аргумента в пользу такого вывода.

Во-первых, А. Смит-де относит связь стоимости с трудом как единственным фактором к далёкому прошлому. М. Блауг не хочет понять, что только в простом товарном хозяйстве такая связь наглядно обнаруживается в чистом виде, когда можно без помех понять происхождение, источник и природу субстанции стоимости. И раз товар и его стоимость сохраняются и при капитализме, то никуда не исчезают и их

первородные черты. Добавляются новые экономические отношения и адекватные им формы, имеющие, конечно, свои причинные связи, например прибыль, но стоимостная природа прибыли в логически исходном пункте объясняется так же, как и стоимость вообще, т. е. стоимость в простом товарном хозяйстве. У А. Смита «работает» метод единства логического и исторического. Хотя признать его сознательным диалектиком нельзя, у него история исполняет роль методологического ключа познания современной ему действительности. Ведь и физиологию человеческого организма нередко изучают на живых организмах более низкой организации.

Во-вторых, у А. Смита, считает М. Блауг, нет понимания редукции капитальных благ (фактор современного общества) к затратам прошлого труда. Именно этот «недостаток» сказывается на том, что А. Смит не может объяснить, каким образом стоимость потребленной части основного капитала оказывается в стоимости готового продукта (такое объяснение на основе трудовой теории стоимости предложил К. Маркс), а вовсе не на понимании возникновения новой стоимости. Прошлый труд не создаёт стоимости.

В-третьих, А. Смит отвергал полезностную основу цены, но это связано с тем, уверяет М. Блауг, что он имел в виду «общую полезность», а не «предельную полезность», которой не знал. Такой же упрёк адресован и К. Марксу. Но разве это аргумент для отрицания того, что А. Смит придерживался трудовой концепции стоимости?!

В-четвёртых. «Для уяснения Смита нам нужен Маршалл», – утверждает М. Блауг. Это лучшая демонстрация достижений экономической мысли. Но то же самое (что упускает М. Блауг) можно сказать и по адресу К. Маркса, его «Теории прибавочной стоимости», например. Если уводом из истории развития трудовой теории стоимости М. Блауг хочет «возвысить» А. Смита, то прямому и грубому осуждению подвергается им смитовское учение о разграничении производительного и непроизводительного труда как «одной из самых пагубных концепций в истории экономической мысли».¹⁴ Между тем эта концепция органично связана со смитовским пониманием трудовой природы стоимости как основы цены: производительным, по его учению, является не всякий труд, а лишь труд, производящий в материальном производстве товары и овеществляющийся в них. Ведь речь шла не о стоимости («ценности») природных даров и не о нематериальных услугах, а о продуктах, создаваемых товаропроизводителями в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства. Смитовская теория производительного и непроизводительного труда, конечно, неполно отражает эту реальную сложную проблему общеэкономического и социально-экономического характера на одной из ступеней её структурного анализа. Он подходит к её решению с точки зрения условий простого товарно-рыночного хо-

---

¹⁴ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М.: ДЕЛО Лтд, 1994. С. 37, 47, 48.

зяйства, в котором богатство общества состоит из товаров и умножается за счет увеличения массы труда и повышения его производительности в материальном производстве. С точки зрения такого подхода наиболее общее определение производительного труда относилось бы к производству материальных благ, вещественных потребительных стоимостей вообще, включая и нетоварное, натуральное производство. А. Смит ограничивает анализ рамками товарного производства, т.е. указывает на определённую экономическую специфику производства. И здесь категория производительного труда сливается с категорией труда, создающего товары. А. Смит не довёл свой анализ до выяснения того, как влияет обстановка капиталистических отношений, новые социальные факторы на понятие производительного труда, связанное с присвоением прибавочной стоимости, прибыли в её многообразных формах. Суждения на эту тему мы находим у К. Маркса.

Заслуга же А. Смита состоит в том, что он дал исходные определения труда, создающего национальный доход страны, за счёт которого растёт и её национальное богатство. Тем самым А. Смит чётко и резко назвал в своё время те слои населения, которые непосредственно не участвуют в его приращении, хотя ряд из них (далеко не все!) осуществляет полезную для общества деятельность. Проецируя учение А. Смита на российскую экономику, можно обратить внимание на огромную массу труда, который не имеет не только

прямого, но и косвенного отношения к реальному экономическому росту, тщательней разобраться в том, что скрывается за опережающим ростом сферы услуг, что означает более быстрый рост доли, например, финансовой деятельности и косвенно измеряемых услуг финансового посредничества (в 2006 г. 110,4 и 111,0 % соответственно) по сравнению с общим темпом роста ВВП (106,7 %), ростом сельского хозяйства (101,7 %), обрабатывающих производств (104,8 %).¹⁵

---

¹⁵ См.: электронный ресурс: <http://www.gks.ru/bgd/free/b01> (дата обращения: 09.04.2007).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.